

Вестник Московского университета

ISSN 0201—7385
ISSN 0130—0083

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

Основан
в 1946 году

В номере

Историко-партийная литература
60—70-х годов об информации в КПСС

Беглые крестьяне в городах
Среднего Поволжья

Технические аспекты землеустройства
в Древнем Риме

Серия 8

ИСТОРИЯ

4 / 1979

Д. А. АВДУСИН

О ГНЁЗДОВЕ И СМОЛЕНСКЕ

Устойчивый интерес к истории древнего Смоленска в значительной степени обусловлен ее тесной связью с проблемами возникновения государственности, городов и иными важнейшими вопросами истории Древней Руси. Скучность письменных источников по этому периоду в целом и по раннему Смоленску в частности обуславливают первостепенное значение археологических материалов.

Почти тридцать лет тому назад Московским университетом по инициативе выдающегося советского ученого А. В. Арциховского была создана Смоленская археологическая экспедиция. Полученные ею материалы огромны, разносторонни и имеют важнейшее значение для изучения истории Смоленска и его окружи. На этих источниках уже написано много работ, введших в науку или обобщивших результаты раскопок в Гнёздове и Смоленске¹. Несомненно, увидят свет и другие работы, так как полученные Смоленской экспедицией материалы таят в себе возможности научного решения еще длинного ряда актуальных проблем. Вместе с тем мы не склонны преувеличивать всесторонность археологических источников, их использование обязательно должно

¹ См., например: Авдусин Д. А. Раскопки в Гнёздове.— «Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР» (далее—КСИИМК), вып. XLIV. М., 1952; Он же. Отчет о раскопках Гнёздовских курганов в 1949 г.— В кн.: Материалы по изучению Смоленской области (далее—МИСО), вып. 1. Смоленск, 1952; Он же. Отчет о раскопках Гнёздовских курганов.—МИСО, вып. 2. Смоленск, 1957; Он же. Отчет о раскопках в Гнёздове в 1957—1959 гг.—МИСО, вып. 7. Смоленск, 1970; Он же. К вопросу о первоначальном месте Смоленска.— «Вести. Моск. ун-та», 1953, № 7; Он же. Возникновение Смоленска. Смоленск, 1957; Он же. Смоленская берестяная грамота.— «Сов. археол.», 1957, № 1; Он же. Смоленские берестяные грамоты из раскопок 1964 г.— «Сов. археол.», 1966, № 2; Он же. О датировке гнёздовского кургана с мечом из раскопок М. Ф. Куоцинского.— В кн.: Культура и искусство Древней Руси. Л., 1967; Он же. К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии.— В кн.: Смоленск, к 1100-летию первого упоминания города в летописи. Смоленск, 1967; Он же. Гнёздово и днепровский путь.— В кн.: Новое в археологии. В честь А. В. Арциховского. М., 1972; Он же. Скандинавские погребения в Гнёздове.— «Вестн. Моск. ун-та. Сер. История», 1974, № 1; Он же. Об изучении археологических источников по варяжскому вопросу.— «Скандинавский сборник», Таллин, 1975, № XX; Avdussin D. A. Gnezdovo der Nachbar von Smolensk.— «Zeitschrift für Archäologie», 1977, Hl. 2; Асташова Н. И. Энколпион из Гнёздово.— «Сов. археол.», 1974, № 3; Каменецкая Е. В. Керамика Смоленска XII—XIII вв.— В кн.: Проблемы истории СССР, вып. V. М., 1976; Она же. О верхней дате Гнёздовского поселения под Смоленском (по керамическому материалу).— В кн.: Проблемы истории СССР, вып. VI. М., 1977; Она же. Керамика IX—XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. Автореф. канд. дис. М., 1977; Пушкина Т. А. О проникновении украшений скандинавского происхождения на территорию Древней Руси.— «Вестн. Моск. ун-та. Сер. История», 1972, № 1; Она же. Лепная керамика Гнёздовского селища.— «Вестн. Моск. ун-та. Сер. История», 1973, № 3; Она же. О Гнёздовском поселении.— «Вестн. Моск. ун-та. Сер. История», 1974, № 1; Она же. Гнёздовское поселение в истории Смоленского Поднепровья (IX—XI вв.). Автореф. канд. дис. М., 1974.

сочетаться с анализом сохранившихся письменных материалов, которых, повторяем, для этого периода крайне недостаточно.

В недавно вышедшей статье «О древнем Смоленске» Л. В. Алексеев, как он сам пишет, попытался «подвести итог существующим ныне данным, и наметить первые выводы»². Л. В. Алексеев хочет объявить свои заключения «первыми выводами», будто до него никто никаких выводов не делал. Вдобавок, его выводы, как мы увидим ниже, не вытекают из источников (вещественных и письменных).

Общезвестно, что успех научного поиска зависит не столько от поставленной цели, сколько от методики и методологии исторического исследования. Поэтому главной темой моей статьи будет не то, что именно утверждает Л. В. Алексеев, а то, каким путем он пришел к своим выводам. Я не даю альтернативу схеме Л. В. Алексеева по истории Смоленска и Гнёздова — это особая тема. Обзор основных выводов дан мною в одной из моих последних статей³.

Скудость источников по истории раннего Смоленска объясняет множественность и иной раз противоречивость решений. Но эта же недостаточность требует крайне осторожной оценки фактов, проверки их, если возможно, другими источниками, особенно бережливого отношения к тем немногочисленным письменным свидетельствам, которые дошли от этого времени. При выборе одной из гипотез, предложенных предшественниками, нельзя просто к ней примкнуть, надо обосновать свое предпочтение, проверить аргументированность этого предпочтительного варианта, объяснить свое предпочтение фактическим вещевым материалом. Все это — элементарные условия исторического исследования. Мы не настаиваем, что наши решения — единственно возможные. Не исключено, что источники допускают и другие предположения. Здесь речь пойдет о другом: о правильности использования источников и литературы, о правильности приемов исследования.

В начале XX в. А. А. Спицын, для того чтобы объяснить наличие скандинавских вещей в гнёздовских курганах погребениями воинов Олега, предложил гипотезу о двойном переносе Смоленска. Первоначальный Смоленск он поместил на тогда еще не исследованном Ольшанском городище, считая, что именно там найдутся слои IX в., а возле него — курганы этого времени, отсутствующие в других местах Гнёздова. По гипотезе Спицына, Олег перенес Смоленск на Центральное городище, а свое современное место город занял будто бы только при Ярославе. Эта абсолютно не доказанная гипотеза, по которой Смоленск «кочевал» с места на место, почему-то понравилась некоторым исследователям, хотя летописи таких переносов для домонгольской Руси не знают. Ее стали рассматривать как ключ к проблеме параллельного существования двух любых соседних населенных пунктов. Я высказал мнение о методической порочности этой теории, показал ее несоответствие исторической действительности того времени и возражений не встретил, а потому не считаю нужным повторять мою аргументацию⁴.

Но вот что пишет Л. В. Алексеев: «В средневековые часты случаи переноса городов на другое место... Не так ли произошло и со Смоленском?» (с. 84). В доказательство реальности таких переносов автор утверждает, будто Полоцк и Минск меняли свои первоначальные места. Но, на мой взгляд, это всего лишь предположения археологов, произво-

² Алексеев Л. В. О древнем Смоленске. — «Сов. археол.», 1977, № 1, с. 83.

³ Avdussin D. A. Gnezdovo — der Nachbar von Smolensk.

⁴ См.: Авдусин Д. А. Об изучении археологических источников..., с. 152—154.

дивших раскопки, сделанные ими под влиянием спицынской теории, притом, как мне кажется, невероятные. Л. В. Алексеев, возвращаясь к спицынской гипотезе, был обязан рассмотреть мою аргументацию, мотивированно принять ее или отвергнуть. Заметим также, что Л. В. Алексеев не понимает сути проблемы «переноса городов», когда ссылается на примеры переносов Борисова и Великих Лук, датированных им XIV в. Но это уже время развитого феодализма и к эпохе возникновения древнерусских городов, сложения древнерусской государственности отношения не имеет.

Таким доказательством не может считаться поддержанное Л. В. Алексеевым мнение И. И. Ляпушкина, что древний Смоленск на своем теперешнем месте не заявил о себе ни слоем IX—X вв., ни следами курганов, ни монетными кладами. Эта позиция уже много раз оказывалась несостоятельной при рассмотрении ранней истории других древнерусских городов. Почти пятьдесят лет ведутся раскопки в Новгороде — крупнейшие в Союзе, но до 1977 г. хронология его напластований не шла глубже 953 г. Ныне она как будто удлинилась, и то лишь на 20—30 лет, а слой IX века по-прежнему неизвестен. Следов курганов нет не только в Смоленске, но и в Новгороде и Пскове. Там древние кладбища открыты только раскопками. В Новгороде до раскопок не были известны и монетные клады. Таким образом, эти, как и многие другие древнерусские города, тоже не заявили о себе ни древними слоями, ни следами курганов, ни кладами, но со временем все это нашлось. И все это широко известно и не может использоваться как аргумент против исконности местоположения данного города.

Л. В. Алексею известны обе основные точки зрения на датировку Гнёздова, и он присоединяется к одной из них, считая, что в Гнёздове есть слои и курганы IX в. Но именно здесь-то совершенно необходима вещевая аргументация. Однако единственным основанием такого мнения является, как было сказано выше, желание найти в Гнёздове погребения и слои времени Олега и более ранние. Но желание не аргумент. В свое время я показал несостоятельность датировки этим столетием обоих гнёздовских курганов, материалами которых (и только ими!) оперируют сторонники такой ранней даты. Если бы Л. В. Алексеев мотивированно отверг мою критику (это не сделано никем), все осталось бы в допустимых рамках методики исторического исследования. Но Л. В. Алексеев ее замалчивает и тем подчеркивает, что у него нет контраргументов.

Говоря о норманнах в Гнёздове, Л. В. Алексеев утверждает, что «во второй половине X в. их начали энергично вытеснять кривичи» (с. 86). Сказанное противоречит фактам, так как именно во второй половине X в. скандинавских древностей в Гнёздове становится больше, а не меньше. То было время максимального скандинавского влияния в Гнёздове. Это непреложный и в целом общепризнанный факт, который противоречит и другому высказыванию Л. В. Алексеева, будто «в Гнёздове, особенно в ранний период его истории, твердо (?! — Д. А.) ощущается его связь со скандинавскими странами» (с. 87). Напомним, что «ранним периодом» Л. В. Алексеев считает IX в. Даже если на минуту допустить, что те два кургана, о которых шла речь выше, действительно датируются IX в., максимум скандинавского влияния в Гнёздове не сдвинется со второй половины X в. Продумал ли эти утверждения Л. В. Алексеев? Проверил ли он их на фактическом вещевом материале? Из статьи это не следует.

Иногда Л. В. Алексеев превращает желаемое в действительное. Так, в начале его статьи промелькнула фраза: «Можно думать, что здесь же (по мнению автора, в Смоленске — Гнёздове. — Д. А.) находилось племенное святилище» (с. 84). Спустя некоторое время эта мысль конкретизируется: поселение «на городище имело, вероятно, свое святилище» (с. 88). Наконец, Л. В. Алексеев со всей определенностью пишет: «Гнёздовский Смоленск, следовательно, предстает перед нами как центр — святилище смоленских кривичей» (с. 89). Отмечу, что, говоря о святилище, Л. В. Алексеев не имеет в виду высказанную мною мысль, что нередко кладбища играют роль святилищ. Нет, речь идет о святилище именно на гнёздовском городище. Еще ниже это желаемое святилище Л. В. Алексеев считает возможным сравнить со святилищем в польском городе Гнезно. Такова логика перехода от «думы» к якобы доказанному факту.

Весьма характерно отношение Л. В. Алексеева к письменным источникам по истории Смоленска. Он выбирает из них то, что согласуется с его построениями или не противоречит им. Противоречащие же положения он отвергает. Вот пример. Вряд ли надо доказывать важность для истории Руси сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей», содержащего драгоценные для нас упоминания о Смоленске. Сообщение об изготовлении однопалатных домов в Смоленске Л. В. Алексеев принимает без оговорок — оно не противоречит его построениям. Зато другое — о максимальной укрепленности этого города — Л. В. Алексееву не подходит, и он пытается его критиковать. Но как! Он пишет: «Далекий император Византии вполне мог принять этот крупнейший центр племени за большую крепость «Мелиниски» (с. 89).

Но имеет ли право историк так писать? Во-первых, мы не знаем, были ли известны Константину Багрянородному размеры и роль Смоленска. Источник об этом ничего не говорит, а сам Порфирогенет в Смоленске не был и писал с чужих слов. Во-вторых, византийский историк писал свое сочинение до 952 г., т. е. до того времени, когда Гнёздово расцвело и заняло максимальную или сколько-нибудь значительную площадь. Расцвет Гнёздова даже сам Л. В. Алексеев относит ко второй половине X в. Гнёздово первой половины X в. вряд ли можно назвать «крупнейшим центром племени». Непонятны и мотивы, заставившие византийского императора назвать якобы Гнёздово большой крепостью, в то время как она таковой не имела. В-третьих, максимальная укрепленность Смоленска, о которой пишет Константин Багрянородный, не находит отражения в топографии Гнёздова, в его рельефе, в характере остатков оборонительных сооружений имеющегося там городища. Причиной якобы происшедшего переноса Смоленска Л. В. Алексеев считает необходимость «укрепления цитадели» (с. 90), «низинное место» Гнёздова (с. 102). Он прямо называет укрепления Гнёздова «деревянными и небольшими» (с. 89). Иными словами, сам Л. В. Алексеев невольно подчеркивает, что слова Константина Багрянородного к Гнёздову неприложимы. В-четвертых, это свидетельство вполне соответствует характеру местности современного Смоленска. Даже поздняя Иосафовская летопись подчеркивает роль смоленского рельефа в обороне города: «Град же имае твердость, стремнинами гор и холмов высоких же затворенно» (под 1513 г.) — будто повторяет она слова византийского историка.

Не уstraивает Л. В. Алексеева и другое сообщение того же авто-

ра, говорящее о взимании дани с кривичей наездами киевских русов. В этом случае, видимо, для того чтобы замаскировать свое негативное отношение к первоклассному источнику, Л. В. Алексеев критикует не его, а В. Т. Пашуто, который, естественно, исходит в этом вопросе из сочинения Порфириогенета. Критика, как и раньше, голословная, без аргументов. Следует заметить, что наезды именно на кривичей, возможно, могли быть кратковременной случайностью, но Л. В. Алексеев сомневается не в этом, а вообще в способе взимания дани. Как увидим ниже, это ему нужно, чтобы освободить место для собственных построений. Все это мало похоже на научный подход к важнейшему источнику и не поколебало ни его достоверности, ни его значения.

Не более серьезен подход Л. В. Алексеева к сочинениям своих предшественников там, где ему приходится высказываться о них критически. Он решительно отмежевывается от мнения крупного, весьма осторожного исследователя, каким был М. Н. Тихомиров, считавшего, что Смоленск занимал в начале XI в. свое современное место. М. Н. Тихомиров опирался на летописное сообщение, что кораблик Глеба, остановившегося на Смядыни в 1015 г., был виден из Смоленска. На чем же Л. В. Алексеев основывает свою критику М. Н. Тихомирова? Во-первых, на утверждении, что в Смоленске «не было слоев этого времени», т. е. начала XI в. Тем самым Л. В. Алексеев дает гарантию, что таких слоев в Смоленске не найдут никогда. Между тем при раскопках открыты следы разрушенного слоя и даже X в. Во-вторых, Л. В. Алексеев намекает, будто М. Н. Тихомиров не знал, что канонизация Бориса и Глеба произошла лишь в 1072 г. и сказания об их убийстве составлены спустя много лет после этого события. Но все это было известно задолго до выхода книги Н. Н. Ильина, на которую ссылается Л. В. Алексеев. Так, по мнению А. А. Шахматова, статья об убийстве Глеба является вставкой, сделанной не позднее 1095 г.⁵

Далее Л. В. Алексеев указывает, что некоторые подробности жития Бориса и Глеба, по мнению М. Н. Тихомирова, заимствованы из рассказов очевидцев. «Удивительно ли, что колоритная деталь об «очевидцах» была также вставлена в текст в интересах вящей убедительности, причем «забывалось» действительное место существования в то время древнего города» (с. 89), — пишет Л. В. Алексеев.

Здесь все запутано настолько, что закрадывается вопрос: читал ли Л. В. Алексеев сказания о Борисе и Глебе? Ведь надо полагать, что Л. В. Алексеев говорит о поздней вставке в летопись, но там нет никаких упоминаний об «очевидцах». Об очевидцах события писал М. Н. Тихомиров, но не хочется думать, что упрек Л. В. Алексеева обращен к нему. Наконец, М. Н. Тихомиров использовал ряд сказаний о Борисе и Глебе, а не только «Жития», которые Л. В. Алексеев объявляет неполноценным источником для его изысканий и отказывается их использовать. Эти пуристские стремления Л. В. Алексеева не мешали ему обратиться к свидетельствам других поздних источников: Устюжского летописного свода, Житию Меркурия Смоленского, к летописной статье о князе Станиславе, к гравюрам XVII в. и другим, причем приемы их использования, как увидим ниже, также весьма своеобразны.

Далее у Л. В. Алексеева следует самое удивительное в статье

⁵ См.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. Пг., 1918, с. 76—78, 92—97.

утверждение о якобы существовавших на Руси варяжских чиновниках по сбору дани в пользу варягов и даже о целой сети «сборных пунктов». (Вот для чего Л. В. Алексеев отверг свидетельство Константина Багрянородного о взимании дани наездами!) Стоит ли говорить, что в письменных источниках, вокруг которых Л. В. Алексеев строит свои умозрительные заключения, нет прямых указаний ни о чиновниках, ни о пунктах? Все построение Л. В. Алексеева, как говорил в подобных случаях С. В. Бахрушин, не история, а рассуждения по поводу. Но оно вовсе не безвредно. Понимает ли Л. В. Алексеев, что он говорит о важной составной части государственного аппарата? Если бы он был прав, то надо было бы говорить о варяжском государстве на Руси. Таким образом, это рассуждение Л. В. Алексеева методологически порочно. Это прямая поддержка норманнской теории создания древнерусского государства скандинавами, противоречащей марксистско-ленинскому положению о возникновении государства в результате внутреннего развития общества, а не в результате вмешательства извне. При всем этом положение о пунктах по сбору дани варягами не только не опирается на источники, но противоречит им.

Возражая против моего предположения о том, что причиной упадка Гнёздова было открытие более удобного пути из Двины в Днепр через р. Воль, Л. В. Алексеев пишет: «Воль была заселена еще в эпоху длинных курганов, и невероятно, чтобы о пути по ней не знали в IX—X вв.» (с. 90). Несомненно, Воль была заселена даже раньше указанного периода, думаю, что по ней даже плавали на лодках. Но ее заселенность еще не означала использование этой реки в качестве промежуточного пути между великими реками. Для этого их надо было соединить волоками. Условия для открытия длинного постоянного пути с перевозками появляются только с развитием классовых отношений, с развитием международной и внутригосударственной торговли. Обмен внутри родового общества не равноценен торговле, и для него такие пути не нужны. Так, путь по Волге сложился в связи с появлением на ней феодального государства — Хазарии, причем несколько позже ее возникновения, путь по Днепру («из варяг в греки») начал функционировать не ранее X в.⁶ Путь по Воле Л. В. Алексеев характеризует как «круглой», значит, неудобный. Почему же этот путь в более позднее время стал эксплуатироваться, а г. Вержавск, стоявший на нем, стал платить баснословную дань князю? Разве этот путь стал менее круглым? Таким образом, этот довод Л. В. Алексеева по своему характеру неисторичен.

Неисторична и внутренне противоречива у Л. В. Алексеева характеристика Гнёздова. Оно в его статье и родо-племенной центр, и столица кривичей, и варяжский погост, и княжеская резиденция. Соотношение этих атрибуций несогласованно и неясно, сами атрибуты не продуманы.

Далее, Л. В. Алексеев считает возможным провести параллель между процессом развития Смоленска и Зарайска. Развитие последнего, по мнению Л. В. Алексеева, «рисует наиболее вероятный путь обрастания Смоленской крепости и собора Мономаха посадом, который со временем был укреплен» (с. 92). Ошибка в исследовательском подходе очевидна: вряд ли можно сравнивать Смоленск — «столицу кривичей», как его называет Л. В. Алексеев, с маленьким городком другой эпохи, значение которого не вышло за пределы обороны от татар.

⁶ См.: Авдусин Д. А. Гнёздово и днепровский путь, с. 159—169.

Л. В. Алексеев умалчивает, что запись о строительной деятельности Ростислава («устрои град великий Смоленск») можно понимать по-разному. Слово «устрои» он трактует как «построил», но существует и другое понимание этого термина в его древнерусском смысле — «украсил», «отремонтировал». Так его объясняет И. И. Срезневский, такой же смысл ему придает Я. Н. Шапов⁷. Я думаю, что «град великий» существовал и до Ростислава. Возможно, он и был той сильной крепостью, о которой писал Константин Багрянородный. Все это противоречит схеме Л. В. Алексеева, и он предпочитает мою точку зрения замолчать.

Рассуждения Л. В. Алексеева о размерах Смоленска, его росте и укреплениях опираются главным образом на рисунок 1627 г. Рисунок мал, схематичен и без проверки другими источниками не может быть принят без оговорок. Но других источников, в том числе графических, Л. В. Алексеев привлекать почему-то не хочет.

Не продумана мысль и о том, что стены Федора Коня якобы не могли пройти «по живому городу». Однако при прокладке укреплений нередко сносились жилые кварталы. Так было, например, при строительстве укреплений в Москве. А то, что за пределами крепости застройка не обозначена, по мнению Н. В. Сапожникова, может быть объяснено тем обстоятельством, что грандиозные пожары времени обороны Смоленска уничтожили не только ряд городских кварталов, но и пригород⁸. Факт, что иные башни в 1609 г. не были наименованы, еще не говорит, что они находились на пустом месте: в Московском Кремле до сих пор существуют две Безымянные башни.

Неисторична и бездоказательна гипотеза о передаче детинца князем митрополиту. Детинец — категория не только топографическая, но в первую очередь социальная. «Передача» детинца — случай беспрецедентный и маловероятный. Видимо, детинца на Соборной горе не было⁹.

Исторические источники Л. В. Алексеев цитирует крайне небрежно, искажая их. Вот примеры. Устюжский летописный свод не содержит слов, что Смоленск «управлялся старейшинами», которые приписывает ему Л. В. Алексеев. Там лишь сказано, что к Олегу вышли старейшины, из чего уже историки сделали соответствующий вывод. Вопреки Л. В. Алексееву недатированная часть «Повести временных лет» не называет Смоленск «племенным центром кривичей».

С использованием работ других авторов у Л. В. Алексеева дело обстоит также неблагоприятно. Гнёздово — вовсе не самая южная точка, где известны погребения варяжских женщин. Они есть, например, в Шестовице. В моей статье я говорю о 41 скандинавском погребении в Гнёздове (теперь их там известно больше), а не о «двух десятках». При рассмотрении вопроса о времени заселения территорий, окружающих Соборную гору в Смоленске, Л. В. Алексеев перепутал данные разных раскопок. Говоря о раскопе на Школьной улице, он приводит данные по раскопу на Студенческой. Максимальная мощность культурного слоя на ул. Соболева — 7,8 м — сокращена до 6,4 м.

⁷ См.: Авдусин Д. А. К вопросу о происхождении Смоленска...; Шапов Я. Н. Освящение смоленской церкви Богородицы в 1150 г. — В кн.: Новое в археологии. В честь А. В. Арциховского, с. 280.

⁸ См.: Сапожников Н. В. К вопросу об исторической топографии г. Смоленска. Дипломная работа 1974 г., хранится на кафедре археологии МГУ.

⁹ См.: Авдусин Д. А. К вопросу о происхождении Смоленска..., с. 67—68.

Я не думаю, что находка в Смоленске пяти деревянных чаш XII в., положенных в яму, чем-нибудь напоминает раскопки святилища на Перыни под Новгородом. Если бы Л. В. Алексеев приводил эти данные не по памяти, а по литературе, то увидел бы, что аналогии этой находке есть в самом Новгороде, а не на Перыни, и их считают следами языческой братчины, а не святилищем. Поэтому (и по многим другим данным) смоленская находка не может быть истолкована как остаток святилища, перенесенного первопоселенцами в Смоленск из Гнёздова, как это утверждает Л. В. Алексеев. Не правда ли поразительно: это то самое «примысленное» святилище, о котором шла речь в начале этой статьи!

Имея в виду, что топография Гнёздова и Смоленска является важным историческим источником и используется в этом качестве Л. В. Алексеевым, следует заметить, что он знает ее недостаточно твердо. Так, городище расположено не на правом берегу Свинца, а на левом. Неверно пересказаны слова А. А. Спицына, будто Смоленск перенесен с Гнёздовского городища на Центральное: это одно и то же поселение. Никакого топографического сходства в расположении равнинного Гнёздова и холмистых Полоцка и Витебска, о котором пишет Л. В. Алексеев, в действительности не существует. Здесь Л. В. Алексеев, видимо, имеет в виду слова М. Н. Тихомирова, но он писал о сходстве расположения Смоленска, а не Гнёздова. Весьма тенденциозно утверждение о типологическом сходстве Гнёздова и скандинавских городов. Многочисленны ошибки в описании топографии Смоленска.

Можно было бы не обращать внимания и на ряд мелких ошибок в статье Л. В. Алексеева, но они находятся в полном соответствии с его обращением с источниками. Например, летописная статья в Устюжском своде датирована 863 г., а не 862, как пишет Л. В. Алексеев. Археологу не к лицу говорить «гробы в дубовых колодах» вместо «гробы-колоды». Л. В. Алексеев пишет о «крестных» именах князей (по Далю, это слово употребляется совсем в иных случаях). Надо говорить «крестинное» или «крестильное» имя.

Анализ статьи Л. В. Алексеева показывает существенные недостатки методики исследования, методологические ошибки автора, неполноту списка привлеченных источников, их небрежное и поверхностное использование. В статье Л. В. Алексеева пересказываются, притом без надлежащей источниковедческой проверки, специально подобранные заключения некоторых предшественников, а что касается всех остальных заключений и авторов, то делается вид, будто их вообще не было. Статья практически не содержит собственных разработок автора, разве что норманистскую теорию о варяжских пунктах сбора дани. Не может эта статья рассматриваться и как сводка, потому что изъяны исследовательских приемов вызывают недоверие как к частностям, так и ко всей статье в целом.

Поступила в редакцию
03.04.78